

**О языке высокой славянской книжности
второй половины XIV–XV вв.
(к вопросу о т.н. «втором южнославянском влиянии»)**

В. Д. Петрова

Архаизация, грецизация, «второе южнославянское влияние», Тырновская школа, переводы, дифференциация

**On the Language of Slavic High Literacy in the Second Half
of the 14th and 15th Centuries:
On the Question of the So-called "Second South Slavic Influence"**

Valentina Petrova

In the scientific literature the question of the so-called "second south Slavic influence" in the 14th and 15th centuries, the end of "book weaving" is closely linked to the question of the impact of the philological tradition of the Tyrnovo School on the formation of the language of high literacy in Muscovy. To properly address the issue of "second Slavic influence" a differential approach to the language of South Slavic high literacy is needed to distinguish between literal translations of liturgical books and works of the original Tyrnovo School.

Подробный анализ явления, определяемого в истории древнерусской книжности как «второе южнославянское влияние», был дан в докладе Д. С. Лихачева на IV Международном съезде славистов в Москве (Москва 1958). Д. С. Лихачев поместил филологическую деятельность славянских книжников XIV–XV вв. в общий контекст возрожденческих процессов, охвативших византийско-славянскую духовную общность, переместив центр, откуда исходил импульс, с Афона в Тырново, столицу Второго Болгарского царства, и связав таким образом «второе южнославянское влияние» с деятельностью книжной школы патриарха Евфимия [Лихачев 1958]. Несмотря на то, что в современных исследованиях так называемое «второе южнославянское влияние» большей частью связывается с внутренними причинами развития Московского государства, тезис о зависимости филологической деятельности восточнославянских книжников от филологических идей Тырновской школы прочно закрепился в научной литературе, в результате чего книжное исправление в Московской Руси к XIV–XV вв., в том числе и формирование языка высокой книжности, рассматривается как приложение принципов тырновской реформы языка.

Однако исследования последних лет, посвященные книжному исправлению в православных славянских странах, показывают, что эти положения требуют

корректировки. Работы, в которых содержится анализ языка среднеболгарских переводов и оригинальных сочинений тырновских книжников, дают возможность увидеть, что неточные формулировки и выводы, касающиеся данных проблем, во многом являются результатом недифференцированного восприятия языка высокой южнославянской книжности. Определение «тырновский язык» используется, как правило, без уточнения, о каком языке – о языке тырновских редакций богослужебных текстов, переводов византийской агиографии или о языке оригинальных сочинений книжников Тырновской школы – идет речь. В большинстве исследований язык среднеболгарских переводов характеризуется в общем, определение «крайне буквальный» прилагается ко всей массе переводной литературы. Однако среднеболгарская переводная литература неоднородна: самую авторитетную ее часть составляют богослужебные тексты, другая часть – это переводы византийских сочинений (агиография, похвальные слова, светская литература). Результаты анализа особенностей языка переводов свидетельствуют о том, что эти особенности зависят от характера текстов. Богослужебные тексты представляют собой особый тип книжного текста, который имеет собственные законы развития в переводной традиции, не всегда совпадающие с законами развития переводных небогослужебных текстов [Пентковский 2004]. Внутри самих богослужебных текстов наблюдается некоторая разница в формальном воспроизведении особенностей греческого оригинала, так, литургические тексты обладают более консервативным характером по сравнению с другими типами книг, ряд их особенностей не благоприятствует вхождению инноваций [Йовчева 2004]. Канонические афонские редакции богослужебных текстов в основном ориентированы на архаические редакции, основаны на них, язык этих редакций менее грецизирован по сравнению с языком более ранних переводов богослужебных текстов [Чешко 1989; Славова 1990; Пентковская 2009] и языком переводов византийских сочинений. Язык среднеболгарских переводов византийских сочинений (Житие Григория Синаита, Хроника Манассии) оказывается более грецизированным, более зависимым от греческого оригинала, это объясняется не исихастскими воззрениями переводчиков (в противном случае ожидалось бы обратное), а концепцией формирования языка высокой книжности, разрабатываемой в Тырновской школе (в основе этой концепции, как известно, лежит ориентация на греческий язык). Исследования последних лет показали, что установки тырновских редакторов полностью с афонскими не совпадают, поэтому правомерно говорить о тырновской редакции афонских переводов [Тасева 2004]. Язык редакций богослужебных текстов патриарха Евфимия отличается от языка афонских редакций большей зависимостью от греческого оригинала, стремлением до мельчайших подробностей отразить все особенности греческого текста [Афанасева 2004; Панова 2008].

Все среднеболгарские переводы (речь идет о высокой книжности) выполнены в рамках «буквального перевода», однако степень отклонения от требуемого «от буквы до буквы» принципа различна, она зависит от характера текста и установок переводчика/редактора. Наиболее грецизированным в формальном отношении в среднеболгарской книжности оказывается язык оригинальных сочинений книжников Тырновской школы – самого патриарха Евфимия и

Григория Цамблака. Этот язык, значительно отличающийся от языка ранней славянской книжности и канонических афонских редакций, не мог служить образцом общеславянского книжного языка, оставаясь достоянием среднеболгарской книжности. Общеславянским достоянием, как известно, становится язык новых афонских правленных редакций Евангелия и других богослужебных текстов [Колесов 1991; Алексеев 1999; Камчатнов 2005].

Таким образом, необходимость различения языка богослужебных текстов (афонской и тырновской редакций) и языка оригинальных сочинений тырновских книжников очевидна. Категоричные выводы, касающиеся статуса языка Тырновской школы, согласно которым «новый болгарский книжный язык тырновского типа становится общим для славян книжным языком» [Харалампиев 1990: 14], во многом обусловлены недифференцированным подходом ко всей тырновской (шире – среднеболгарской) книжной продукции. «Тырновским языком» является язык оригинальных сочинений тырновских книжников, язык «южнославянского «плетения словес». Это специфический язык, далекий от языка кирилло-мефодиевских переводов, нарочито грецизированный, близкий языку переводов византийской агиографии, но более изысканный. Он не стал образцом для восточнославянских книжников к XIV–XV вв., которые при формировании языка высокой книжности отказались от ориентации на иноземный образец и в качестве основного принципа выбрали архаизацию, сохранив собственные книжные традиции, опирающиеся на кирилло-мефодиевское наследие [Петрова 2010; Петрова 2011].

Литература

- Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1999. – 254 с.
- Афанасьева Т. И. Славянская Литургия преждеосвященных даров XIII–XIV вв.: текстология и язык. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2004. – 213 с.
- Йовчева М. Новоиздания славянски Октоих по най-ранния препис в кодексите 19 и 20 от манастира «Св. Екатерина» в Синай // Преводите през XIV столетие на Балканите : докл. от междунар. конф. – София, 2004. – С. 205–234.
- Колесов В. В. Развитие лингвистических идей у восточных славян эпохи Средневековья // История лингвистических учений. Позднее Средневековье. – Санкт-Петербург: Наука, 1991. – С. 208–254.
- Камчатнов А. М. История русского литературного языка: XI – первая половина XIX века. – Москва: Academia, 2005. – 688 с.
- Лихачев Д. С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. – Москва: Изд-во АН СССР, 1958. – 67 с.
- Панова С. И. К проблеме происхождения русской редакции Диатаксиста патриарха Филофея Коккина // Древняя Русь: вопросы медиевистики. – 2008. – № 1. – С. 31–44.
- Пентковская Т. В. К истории исправления богослужебных текстов в Древней Руси в XIV веке: Чудовская редакция Нового Завета. – Москва: МАКС Пресс, 2009. – 269 с.
- Пентковский А. М. Иерусалимский Устав и его славянские переводы в XIV столетии // Преводите през XIV столетие на Балканите: докл. от междунар. конф. – София, 2004. – С. 153–171.

- Петрова В. Д. Кирилло-мефодиевская традиция в языке древнерусской агиографии («Житие Стефана Пермского» Епифания Премудрого) // Преславска книжовна школа. — 2010. — Т. 11. — С. 225–241.
- Петрова В. Д. Отражение книжной традиции Тырновской школы в восточнославянской книжности конца XIV–XV вв. // Тырновска книжовна школа. — 2011. — Т. 9. — С. 313–333.
- Славова Т. Някои предварителни наблюдения върху редактирането на евангелския текст в Света Гора // Старобългаристика. — София, 2005. — Т. XXIX, № 4. — С. 72–81.
- Тасева Л. Книжните взаимоотношения между Святой горой и Тырново в свете текстовой традиции Триодного синаксаря // Преводите през XIV столетие на Балканите: докл. от междунар. конф. — София, 2004. — С. 185–204.
- Харалампиев И. Езикът и езиковата реформа на Евтимий Тырновски. — София: Наука и изкуство, 1990. — 156 с.
- Чешко Е. В., Бунина И. К. Филологическое введение // Норовская Псалтырь. Среднеболгарская рукопись XIV века. — София, 1989. — Ч. 1. — С. 50–76.